

Эксперт по исламу и Центральной Азии в интервью CABAR.asia рассказывает о судьбе идеи исламского государства, о роли центральноазиатов в этом проекте, о религиозных особенностях региона и что с этим делать.

[English](#)

Подпишитесь на наш канал в [Telegram!](#)



Алексей Малашенко является главным научным сотрудником исследовательского института «Диалог цивилизаций» ([DOC Research](#)). Фото: CABAR.asia

САВАR.asia: Наблюдая за историей ИГИЛ (террористическая и экстремистская организация, запрещенная в КР. - прим. авт.), за судьбой присоединившихся к ним сородичей из стран нашего региона, как вы думаете,

религиозные экстремисты и радикалы, которые здесь у нас в регионе находятся, какие выводы они для себя сделали?

Алексей Малашенко: Во-первых, этих фанатиков не так много. Фанатик есть фанатик, он никаких выводов для себя делать не будет. Он будет верить в то, во что верил. Это как ранние коммунисты. Поэтому, насколько велико будет их влияние... пока оно очень незначительно, оно даже преувеличивается властями [стран Центральной Азии], чтобы показать, что есть угроза, и в условиях этой угрозы нужно как-то спланироваться вокруг вождей.

Если вдруг что-то начнется по независящим от ИГИЛ причинам, какой-нибудь экономический кошмар где угодно или крайнее недовольство властью местным населением, вот тогда эта публика может присоединиться, учитывая их фанатизм и боевой опыт. Но пока предпосылок к вот такому бурному восстанию я не вижу. И, кстати говоря, последнее событие в Таджикистане, где, как пишут, была попытка нападения на комендатуру российской воинской части, как-то очень выглядит странно. Потому что "игиловцы" – опытные ребята, и лезть на заведомую смерть просто так – странно.

Террористическая группировка ИГИЛ уже не так часто мелькает в международных СМИ. Как вы думаете, проект ИГИЛ закрыт или он будет иметь продолжение?

Конкретный проект ИГИЛ – он закрыт. Он закрывается. Медленно, но закрывается. А концепция государства на основе религии – она существует и будет существовать. И следующий вариант подобной структуры неизбежен, я думаю, что там будут люди, которые постараются избежать крайностей. Где оно будет – очень трудно сказать, но в мире можно насчитать несколько мест, где это вполне может произойти.

Поедут ли туда из Центральной Азии?

Это трудно сказать, потому что я не знаю, когда будет попытка возобновить проект и кто поедет: те, которые имеют опыт, или новая волна. По идее, сама идеология – это глобальное государство, поэтому, конечно, люди поедут. Откуда, как и в каком количестве – только гадать на кофейной гуще.

В странах Центральной Азии и государство, и СМИ, и имамы - все активно работают над информационной кампанией «делайте выводы, не повторяйте ошибок своих соотечественников» и т.д. Получается, вне зависимости от усилий, всегда будут те, которые готовы уехать вслед за этой идеей?

Это протестные кадры, недовольные люди, а недовольные были всегда. Особенно в странах с такой экономикой, при такой коррупции. А социальные протесты, политический протест по всему мусульманскому миру часто выражается в религиозной форме, поэтому, может быть больше, может меньше, может не так активно, но этот феномен останется.

Вы говорите, что концепция т.н. “исламского государства” в какой-то части мира может заново зародиться. От чего это будет зависеть?

Зависит от общего мировоззрения в мусульманском мире. Потому что люди хотят построить государство, перестроить государство на основе своей религиозной идентичности. Например, известно, что первое протогосударство построил пророк Мухаммед. Можно бесконечно дискутировать на эту тему, но для обывателя, который разочарован в нынешнем государстве, который не верит в возможность повторения чужого опыта, почему бы ему не обратиться к идее исламского государства? Не резать головы на улице, а просто подумать, а почему бы и нет, там есть какие-то политические моменты, там есть юридические моменты, там есть шариат, опять же опыт седьмого века. В этом нет ничего страшного, это естественный процесс.

Я это говорю обо всех государствах. Но я думаю, что в Центральной Азии шансов меньше. Во-первых, здесь более умеренный традиционный ислам. Во-вторых, не было успешного опыта. Был «Хизб ут-Тахрир» (*экстремистская организация, деятельность запрещена решением Верховного суда КР в 2003 году. – Прим. ред.*), но он как-то сейчас рассеялся; «Исламское движение Узбекистана» (*запрещена в КР, признана террористической организацией в 2003 году. – Прим. ред.*) себя скомпрометировало. Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) – это был, я считаю, позитивный эксперимент, и то, что партия была раздавлена и запрещена – это не самый лучший выход, потому что настроения остались, и следующее поколение может мыслить более радикально. Я считаю, что такая умеренная исламская оппозиция необходима.

Что вы думаете о диспутах среди жителей Кыргызстана, связанных с религиозными канонами: возможность ношения специальных купальников в бассейнах, законодательного удлинения обеденного перерыва в пятничные дни для совершения намаза, ликвидации теории Дарвина из учебников биологии...

У нас плюралистичность. Вот у тебя есть своё медресе? Ты хочешь удаляй теорию Дарвина, хочешь – оставляй. У детей экзамен по биологии, они что, по Корану будут сдавать экзамен или все-таки по биологии?

Это достаточно непростые вещи. Была уже попытка задавить теорию Дарвина в США – они первые получили самоназвание фундаменталистов, только не исламских, а протестантских. [В России] это тоже вечный процесс. По российскому телевидению можно увидеть, что Земля – не круглая. Что же теперь поделать?

То есть эти обсуждения в Кыргызстане не приведут к чему-либо серьезному?

Я думаю, будут постоянные попытки. Какой-то будет тренд, но это не тот тренд, который может привести к дестабилизации, если власть будет себя правильно вести. Люди, которые требуют выгнать Дарвина, не будут требовать это с оружием в руках.

Да, боритесь, дискутируйте, проводите круглые столы с участием дарвинистов и антидарвинистов. Это идеология. Это идейная борьба, которая была, есть и будет.

Последние 10 лет ислам находится на повестке дня в странах Центральной Азии, число мечетей и их посетителей растет, проводятся мероприятия, дискуссии, споры... Что будет итогом этого процесса?

Этого я не знаю, ведь религиозный процесс – это часть какого-то процесса. Это один из трендов, и говорить о том, к чему это приведёт, в каких условиях...

Если мы задаём вопрос в каких условиях, то нам нужно почесать затылок и подумать, какой будет экономика, какая будет инфляция, какое будет влияние извне – это все просчитывается. Десять лет тому назад кто-нибудь говорил, писал, что будет ИГИЛ? Кто-нибудь догадывался, что представитель «Братьев-мусульман» (*религиозно-политическая ассоциация, активная на севере Африки и Ближнем Востоке. – Прим. авт.*) станет президентом Египта? Только психи так думали. А оказалось, что все возможно.

Но так или иначе усилия правительств и гражданского общества направлены на гармоничную религиозную политику?

Я думаю, что, во-первых, все хотят стабильности. Люди исходят из этого. Но если будет повод для каких-то недовольств, то тут, конечно, исламский фактор сработает как и везде: как в Турции, в Алжире, в Ливии. С этой точки зрения Центральная Азия – не исключение.

Каким должен быть ислам в современном светском государстве?

Разным. В исламе есть три тенденции: консервативная, модернистская и фундаменталистско-реформаторская. Какая из них где будет преобладать? На каком социальном уровне? На каком уровне сознания? В какой среде? Но все три тенденции есть. Те, которых называют фундаменталистами, они называют себя ещё реформаторами. Мы хотим реформировать, но на исламской основе. Это будет вечный такой узелок, но это нормально.

В том числе в Центральной Азии?

Конечно. Единой модели не будет. 1,5 миллиарда мусульман, а вы хотите единую модель. Есть Казахстан и есть Таджикистан. Согласитесь, есть разница. Есть Кыргызстан и есть Туркменистан. Есть разница?

Алексей Малашенко: проект ИГИЛ закрывается, но идея
исламского государства будет существовать



Если вы нашли ошибку, пожалуйста, выделите фрагмент текста и нажмите *Ctrl+Enter*.